

DOI 10.31029/vestdnc83/4

УДК 04(47.67)

СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ ген. И.Ф. БЛАРАМБЕРГА О ДАГЕСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ КАВКАЗА

Б. Г. Алиев, ORCID: 0000-0001-8009-9087

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Статья посвящена анализу сведений о Дагестане генерала И.Ф. Бларамберга, имеющихся в его книге, посвященной истории и этнографии народов Кавказа, в которой дано также топографическое, статистическое и военное описание их. В статье проанализированы, в частности, сведения этого автора о кавказских, в том числе дагестанских народах, их языках, управлении, религии, образе жизни, политике, одежде, оружии, жилище, пище, занятиях населения и способах ведения войны. Говорится об ошибочности многих утверждений И.Ф. Бларамберга, который, принижая уровень развития горцев, писал, что единственным привычным занятием их была война, что они постоянно занимались набегами, грабежами и разбоем, воевали между собой и с соседями. В то же время он отмечал свободолюбие горцев, их гостеприимство, доброту, надежность и постоянство в дружбе, храбрость, почитательность, умеренность в еде, выносливость и др.

The article is devoted to the analysis of information about Daghestan by General Blaramberg I.F., available in his book on the history and ethnography of the peoples of the Caucasus, which also gives a topographic, statistical and military description of them. The article analyzes the information about the Caucasian, in particular Daghestan peoples, their languages, governance, religion, lifestyle, politics, clothing, weapons, housing, food, occupations and methods of warfare. Noted is the fallacy of many statements by Blaramberg I.F., who, belittling the level of development of the mountaineers, wrote that their only habitual occupation was war, that they were constantly engaged in raids, robberies, fought among themselves and with neighbours. At the same time, he notes their love of freedom, hospitality, kindness, reliability and constancy in friendship, courage, respectfulness, moderation in food, endurance, etc.

Ключевые слова: И.Ф. Бларамберг, Дагестан, Кавказ, кавказские народы, управление, горцы, сословия, земледелие, скотоводство.

Keywords: I.F. Blaramberg, Daghestan, Caucasus, Caucasian peoples, governance, mountaineers, estates, agriculture, cattle breeding.

Известно, что в прошлом Дагестан с различными целями посещало много иностранцев. Среди них были также ученые и военные деятели, переселившиеся из различных европейских стран в Россию.

Из Германии приехал в Россию и будущий генерал-лейтенант Иоганн Бларамберг, на сведениях которого о Дагестане, имеющихся в его описании Кавказа, мы остановимся в данной статье.

Иоганн Бларамберг (Жан-Море де Бларамберг) (1800–1878) родился во Франкфурте-на-Майне в обедневшей дворянской семье. Отец его, Жан-Франсуа де Бларамберг, известный в то время пианист, был фламандцем по происхождению, мать – немкой. В 1820 г. Иоганн Бларамберг поступил на юридический факультет университета в Гессене. В 1823 г. после завершения учебы в университете по приглашению младшего брата отца – Жан-Поля (Ивана Павловича) Бларамберга, который был инспектором таможенного округа Новороссии и жил в Одессе, Бларамберг переехал в Россию. С 1823 г. жил в Москве, как он писал в своих воспоминаниях, «что бы усовершенствоваться в русском языке, который я только что начал изучать» [1, с. 410]. В 1824 г. Бларамберг принял русское подданство и получил права гражданства под именем Ивана Федоровича. В 1828 г. окончил Императорский институт путей сообщения с чином поручика. С 1830 по 1832 г. служил по Генеральному штабу на Кавказе. Участвовал в различных военных экспедициях, в июле 1831 г. – в военных действиях в Дагестане [2; 1, с. 9].

Будучи на Кавказе, И.Ф. Бларамберг «взял на себя составление обширной работы по истории и этнографии горских народов» края [3, с. 3]. В 1833 г. произведенный в то время в штабс-капитаны И.Ф. Бларамберг представил в военное министерство первую часть своего сочинения под названием «Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа». Как пишет исследователь-кавказовед И.М. Назарова, «это был фундаментальный двухтомный труд, первая часть которого содержит 348 страниц рукописного текста, вторая – 574 страницы» [1, с. 10]. С рукописью ознакомились военный министр граф А.И. Чернышев, император Николай I, генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич. В конце 1834 г. И.Ф. Бларамберг завершил вторую часть и передал в военное министерство три тома своего труда, который был принят императором благосклонно. В письме от 25 января 1835 г. И.Ф. Бларамберг сообщал своему сослуживцу Н.И. Ушакову, что он завершил работу над трехтомным сочинением, которое «заключает в себе общий взгляд Кавказа и полное описание горских народов», и что он «употребил все способы, дабы представить полную картину сих народов, так мало еще известных» [1, с. 11]. Однако труд И.Ф. Бларамберга был засекречен и, как писал историк Генштаба И.П. Глиноецкий, «схоронен в архивах военно-топографического депо» (позднее – ВУА Главного штаба, ныне – РГВИА в Москве)» [1, с. 12].

Рукопись хранилась под грифом «совершенно секретно» и была доступна только офицерам Генерального штаба. Через несколько лет труд И.Ф. Бларамберга был использован военным историком Н.Ф. Дубровиным при написании его многотомного труда «История войны и владычества русских на Кавказе».

После написания своего сочинения И.Ф. Бларамберг служил в Средней Азии и в Оренбургском крае, с 1856 г. он был директором Военно-топографического депо Главного штаба, а в 1867 г. ушел в отставку в чине генерал-лейтенанта.

Рукопись сочинения И.Ф. Бларамберга, написанная на французском языке и хранившаяся в РГВИА (Ф. ВУА. Д. 18508), в конце 80-х гг. XX в. была переведена на русский язык И.М. Назаровой. Мы пользуемся в данной статье переведенной ею работой, изданной в 2005 г. В ней имеются три части. В первой и третьей частях подняты вопросы, конкретно относящиеся к Дагестану.

Почти все сведения о народах Кавказа И.Ф. Бларамберг дает обобщенно, полагая, видимо, что эти народы имеют одинаковый уклад жизни. Поэтому все этносы Кавказа им даются под общим названием «горцы». И описание их он начинает с древнейших времен. Но прежде И.Ф. Бларамберг пишет о проживании на Кавказе «громادного количества маленьких народностей», отдельные из которых «представляют собой остатки азиатских орд, проходивших туда и обратно через эти горы во время Великого переселения народов, но большую часть составляют местные автохтонные племена» [1, с. 17]. А последними он назвал албанцев, иберов и колхов, т.е. «лезгин, грузин, имеретинцев, мингрелов» и армян. Под названием «лезгины» И.Ф. Бларамберг имеет в виду все дагестанские народы [1, с. 17]. Это он обосновывал разными причинами, и прежде всего тем, что «Иберия и Албания никогда не были завоеваны ни персидскими, ни мидийскими царями, ни римлянами, хотя последние всегда успешно воевали с албанцами и иберами» [1, с. 17–18].

Действительно, албанцы не раз воевали на стороне иберов, но И.Ф. Бларамберг не совсем прав, говоря об успешности походов против них римлян. Так, известно, что в 69 г. до н.э., когда римский полководец Лукулл осадил столицу Армении Тигранакерт, на помощь армянскому царю Тиграну II пришли отряды албан и иберов. Объединенные силы оказали упорное сопротивление врагу, и в 67 г. до н.э. римляне вынуждены были уйти из Армении. В 66–65 гг. до н.э. албанский царь Оройз во главе 40-тысячного войска выступил против Помпея. Несмотря на то что албанцы потерпели поражение и вынуждены были признать над собой протекторат Римской империи, римлянам не удалось включить Албанию в состав своей империи. Вскоре Помпей выступил против

Иберии. Албаны пришли на помощь своим соседям, в результате чего Помпей прекратил военные действия. Но в 65 г. до н.э. Помпей с главными силами вторгся в Албанию. Албанское войско, состоявшее из 50 тыс. пехотинцев и 12 тыс. всадников, возглавлял брат царя Оройза – Козис. И хотя албанцы потерпели поражение и заключили мир, но они сорвали план Помпея двинуться к берегам Каспийского моря. В 37–36 г. до н.э. в Албанию вторгся Канидий Красс. Но и ему не удалось покорить ее. В 34 г. до н.э. римские легионеры, возглавляемые Антонием, опять вторглись в Закавказье. Не удалось покорить Албанию и римскому императору Нерону. Только в 90-х гг. н.э. римлянам удалось дойти до Каспийского моря, но и на этот раз им не удалось овладеть Албанией [5, с. 241–243; 6, с. 29; 7, с. 113–115; 8, с. 13–14].

И.Ф. Бларамберг пишет, что народы Дагестана подчинил себе только Тимур, но с его уходом «этот процесс закончился сразу же» [1, с. 18].

Продолжая перечень факторов, на основании которых он пишет об автохтонности «лезгин, как и иберов и колхидов» (называя их «исконным населением этих мест»), И.Ф. Бларамберг отмечает, что «до нашествия Тимура гунны, хазары, арабы и монголо-татары» бывали только «на западном побережье Каспийского моря... не проникая во внутренние районы Кавказа, где бедность жителей, объединенных своей отвагой, представляла им мало благ, но много опасностей» [1, с. 18]. И далее, как о следующем показателе автохтонности указанных этносов, И.Ф. Бларамберг пишет о сходстве «лезгин и грузин», хотя, как он отмечает, «они разнятся по религиям и обычаям, имеют много общего во внешнем облике, что отличает их от остальных народов Кавказа, особенно от черкесов и сванов» [1, с. 18].

Разделив кавказские народы на семь групп, И.Ф. Бларамберг вообще не перечисляет дагестанские народы, а дает их, как мы отметили выше, под названием «лезгины с их племенными подразделениями», в то время как дает «племенные подразделения» черкесов и грузин [1, с. 19].

Об этих «лезгинах» он пишет, что они занимали Восточную часть Кавказа или древнюю Кавказскую Албанию, которая «разделена на множество округов». Конечно, «округа» – это феодальные владения и союзы сельских общин. Это видно из слов автора, что «округа» географы – его современники «объединяют под двумя названиями: Дагестан, включающий все склоны Кавказа, идущие к Каспийскому морю, и Лезгистан, в который входят наиболее высокогорные долины как со стороны территории расселения кистин [1, с. 19], так и со стороны Грузии – до побережья Алазани» [1, с. 22]. Это, собственно, вся территория Дагестана, включая и территорию Джаро-Белокан и Илисуйского султанства.

Останавливаясь на нравах и обычаях народов Кавказа, И.Ф. Бларамберг говорит об этих институтах в целом безотносительно какого-то конкретного народа. Но при этом он пишет, что «нравы и обычаи народов зависят от климата той территории, которую они заселяют, от образа жизни и воспитания». Он полагал, что «нравы людей почти диких (какими он считал горцев Кавказа. – Б.Г.), населяющих земли, изобилующие скалами и покрытые вечными снегами (здесь он не прав, так как это было характерно только для высокогорной части Кавказа. – Б.Г.), должны быть, видимо, грубыми» [1, с. 25].

Неправ был И.Ф. Бларамберг и объясняя бедность горцев их леностью, хотя сам же пишет, что бесплодная земля не дает им даже того, что необходимо для существования. Был он неправ и говоря, что горцы редко спускаются на плоскость. Характерными чертами горцев он считал их выносливость, свободолюбие, жесткость, мстительность, коварство «по отношению к врагам», гостеприимство, надежность в дружбе, воздержанность, почтительность к старикам, благодарность «за благодеяние» [1, с. 25].

Все эти качества И.Ф. Бларамберг относит ко всем горцам Кавказа, как он пишет, «эта общая картина нравов применительна к людям, населяющим Кавказ в собственном смысле слова...» [1, с. 25].

Как уже упоминалось выше, И.Ф. Бларамберг, подобно многим авторам, писавшим о кавказских горцах, считал их диким народом, основным занятием которого были грабежи. «Захват, – пишет он, – их единственное занятие, единственный способ добыть одежду и оружие. Почва их гор обеспечивает их лишь скудной пищей, а их стада дают шерсть для грубых тканей, но горец хочет иметь: длинное ружье, украшенное серебром, платье, обшитое галуном, хочет купить красивую девушку, которая станет его женой, и хочет пить водку и бузу» [1, с. 26].

Такой образ жизни горцев И.Ф. Бларамберг объясняет их «первобытным состоянием», в котором они, по его словам, «находились еще недавно» [1, с. 26], с чем никак нельзя согласиться.

Конечно же, И.Ф. Бларамберг архаизировал социально-экономическое развитие кавказских горцев. Он был категоричен, утверждая, что горец жил только набегами, которые дополняли его «скудное пропитание». Он отрицал наличие у горцев торговли и говорил, что она «была совершенно неведома этим племенам» [1, с. 27]. И в то же время на л. 56–58 он дает параграф, в котором описывает, чем и как торговали народы Кавказа.

Неправ И.Ф. Бларамберг и в своем утверждении, что горцы занимались только скотоводством, которое не требовало «особых забот» и позволяло им «предаваться праздности в свое удовольствие» [1, с. 27]. По его мнению, горца характеризовала «взаимная подозрительность, за которой следуют коварство, вероломство, лицемерие, злоба и мстительность», и все это являлось порождением нужды, вызывавшей «склонность к разбою» [1, с. 27].

Исходя из такой характеристики горцев И.Ф. Бларамберг пишет о невозможности вести с ними мирную политику, что ими «можно управлять только силой», и в этом он был солидарен со многими военными деятелями, служившими на Кавказе. «Им можно навязывать власть, – писал он, – только суровостью и жестокостью, а кротость и доброта расцениваются ими как слабость» [1, с. 29].

Интересным в работе И.Ф. Бларамберга представляется разделение жителей Кавказа на сословия и классы, среди которых даны: владетельные князья, духовенство, дворянство (знать), крестьяне и ясыри [1, с. 31–36].

Говоря о первом сословии, И.Ф. Бларамберг прежде всего перечисляет владетельных князей Дагестана, и среди них упомянуты: шамхал Тарки, уцмий Каракайтага, кадий Акуша и Табасарана, ханы Казикумуха и Кюре, Аварии и Мехтулы, элисуийский султан [1, с. 31]. Относительно их положения в 30-е гг. XIX в. И.Ф. Бларамберг отмечает, что почти все они в это время находились в материальной зависимости от России, и поэтому «им остается лишь название государя без власти». Что касается аварского и казикумухского ханов, то И.Ф. Бларамберг считал их союзниками России, которые были «покорны только из-за выплачиваемого им правительством России содержания» [1, с. 31].

Среди этих дагестанских князей, как видим, не названы князья Засулакской Кумыкии. Но после характеристики ханов перечислены и другие «правители горцев», и среди них «аксайские князья», под которыми следует иметь в виду всех князей Эндирея, Аксая и Костека.

Из приведенного выше заслуживает внимания тот факт, что акушинский кадий вместе с кадием Табасарана назван «владетельным князем», чего мы не встречаем у других авторов, писавших о владетелях Дагестана. И это, на наш взгляд, справедливо, так как, хотя акушинский кадий не имел бекского титула и звания, он обладал такой же властью, как и феодальные владетели, и практически не был ограничен в правах правителя Акуша-Дарго. Кроме того, он являлся собственником большого количества земли и скота [8, с. 218–227; 9, с. 170–171, 197–200; 10, с. 251–261].

Что касается феодальных владетелей, то о них И.Ф. Бларамберг пишет, что они пользовались авторитетом и уважением, имели «свои собственные земли, обрабатываемые их рабами-пленниками или арендаторами», а также «денежные доходы и съестные припасы», которые получали «от своих вассалов и их крестьян» [1, с. 32].

Духовенство И.Ф. Бларамберг относит ко второму сословию среди населения Кавказа и пишет, что их представители «были большей частью турки по происхождению» [1, с. 33], что, во всяком случае в отношении Дагестана, было неверным утверждением. В Дагестане были свои духовные служители, которые готовились во многих селах, где находились известные мусульманские школы – медресе.

Дворянством И.Ф. Бларамберг считал беков, баев, мурз, узденей, азнауров, агаларов и «горских князей». Их он относит к третьему сословию. В Дагестане были беки (бии), мурзы ногайские и уздени. Но не все уздени в Дагестане были дворянами. Уздени в основном – это одна из категорий крестьянства, среди которых большинство составляли свободные уздени – основное население союзов сельских общин [11, с. 166; 10; 12, с. 30–65]; у кумыков были и экономически зависимые уздени, называвшиеся догерек-уздени и азат-уздени. Кроме того, были у них и уздени, называемые И.Ф. Бларамбергом дворянами. Это сала-уздени Засулакской Кумыкии и уллу (большие) уздени Тарковского шамхальства. По своему социальному и экономическому положению сала-уздени относились к низшей группе феодалов и в русских источниках известны как первостепенные уздени. Поэтому, как писал проф. Р.М. Магомедов, они занимали промежуточное положение между классом феодалов и основной массой узденей [13, с. 174]. Проф. С.В. Юшков считал сала-узденей «особой группой низших феодалов» [14, с. 67].

В дореволюционной историографии говорилось о более высоком положении сала-узденей. Так, Ф.И. Леонтович считал, что они составляли «второй класс в народе после князей» [15, с. 191]. В. Линден также считал сала-узденей вторым «благородным» сословием и писал, что они «отчасти» напоминали по своим правам и обязанностям кабардинских деженугов, т.е. вторую группу уорков – военных слуг [16, с. 271].

Еще раньше указанных авторов М.Б. Лобанов-Ростовский писал, что сала-уздени являлись независимыми дачниками, древними хозяевами земли, которые гордились своим происхождением, богатством, удачью, уступая первенство одним лишь князьям [17, с. 38]. Примерно в то же время уроженец Засулакской Кумыкии Д.-М. Шихалиев называл сала-узденей «улу-узденями», т.е. «старшими узденями», или «сала», и писал, что они владеют землями, кутанами, горами и в их зависимости, как и у князей, находятся догерек-уздени [18, с. 48, 61]. Только А. Белобородов называл сала-узденей «независимыми дворянами», «древними хозяевами земли», «свободными владельцами» [19].

Отмечая социально-правовое положение «кавказских» дворян, среди которых, как было показано выше, были и дагестанские (кумыкские) сала-уздени, И.Ф. Бларамберг пишет, что они «были не чем иным, как мелкими вассалами князей, которые, в свою очередь, были вассалами третьих, более могущественных» [1, с. 33]. Но это определение никак не соответствует положению сала-узденей Дагестана [1, с. 33].

Не совсем верно и утверждение И.Ф. Бларамберга, что земли дворян (в Дагестане сала-уздени) принадлежали князьям, доходы их «извлекались» «из земледелия, коневодства и грабежей». Но он справедливо отмечает, что у дворян были крестьяне, «которые от них зависели, а также рабы, купленные или плененные во время военных действий» [1, с. 34].

Верно отмечает И.Ф. Бларамберг и отсутствие знати в «горских республиках», «если не считать, – как писал он, – знатю старейшин, которые наследовали власть их отцов» [1, с. 34]. Это говорит о наследственности власти старшин в союзах сельских общин, что было отмечено и другими авторами XIX в. и подтверждается многочисленными источниками [10, с. 236–238].

О крестьянстве И.Ф. Бларамберг говорит в целом, не выделяя по феодальным владениям Кавказа. Это не позволяет проследить то общее, что было в положении крестьянства различных владений и что было особенным в их социальном, экономическом и правовом положении. Между тем крестьянство различных владений имело свои особенности и различалось по социально-правовому положению. Наш автор крестьянство Кавказа сравнивает с крестьянством России и

пишет, что оно мало чем отличается от русских крестьян [1, с. 34]. В связи с этим интересно отметить, что проф. С.В. Юшков, исследуя вопрос об особенностях феодализма в Дагестане и останавливаясь на чагарах (феодално-зависимой категории крестьянства), т.е. бывших рабах, посаженных на землю, сравнивал их положение с положением страдных людей, холопов на пашне феодальной Руси или посаженных на землю (во Франции и Италии), которые затем постепенно получали некоторую хозяйственную самостоятельность и стали переходить в разряд крестьянства [14, с. 81]. Каждая из указанных групп крестьянства имела свои особенности, которые отличали их от других групп [20, с. 56–190].

В работе И.Ф. Бларамберга отдельно выделены ясыри, которые отнесены к «последнему классу обитателей Кавказа» [1, с. 35]. Названы они рабами, которые являлись собственностью дворян. Использовались они для обработки земли, пастьбы скота и в качестве прислуги. Хозяева имели на рабов полное право, вплоть до убийства. Останавливаясь на положении рабов на Кавказе, И.Ф. Бларамберг пишет, что здесь с рабами обходятся менее жестоко, чем в Средней Азии [1, с. 36].

Интерес представляет поднятый в работе И.Ф. Бларамберга вопрос о формах управления на Кавказе. Он пишет, что здесь были известны «только две формы управления – аристократия и демократия». Он считал, что шамхал Тарковский, ханы аварские и казикумухские, элисуйский султан «именуются монархами», но скорее монархами они являются по названию, а на самом деле «форма их правления похожа на федеративную демократию» [1, с. 36]. Следует обратить внимание на слова И.Ф. Бларамберга, что «эти две формы управления монархического и аристократического могут быть осмыслены на Кавказе под названием более верным – феодализм», «потому что ханы и князья разделяют власть с их вассалами» [1, с. 37]. Пишет он и о наличии на Кавказе «множества мелких тиранов», которые, однако, не имеют неограниченной власти» [1, с. 37]. Очевидно, речь идет о беках, которых в дагестанских владениях действительно было много.

Что касается союзов сельских общин, то их И.Ф. Бларамберг называет федеративными республиками лезгин, в которых, как и в некоторых племенах черкесов, абхазов, осетин, кистин и чеченцев, было «демократическое управление» [1, с. 37].

В связи с вопросом, поднятым И.Ф. Бларамбергом о формах управления, небезынтересно вспомнить, что писал об этом С.М. Броневский еще в 1811 г. (хотя работа его была издана только в 1823 г.). А писал он, что на Кавказе было три вида правления: монархическое, аристократическое и демократическое [21, с. 38].

Союзы сельских общин дагестанских народов С.М. Броневский называл «лезгинскими федеративными республиками», как называет их вслед за ним и И.Ф. Бларамберг. Интересно, что среди них он называет и Аварское ханство, отнесенное И.Ф. Бларамбергом к монархическому управлению. С.М. Броневский считал, что Аварское владение состояло «из малых Федеративных обществ под покровительством Хана Аварского, который там имел собственные свои поместья и, по мере личных свойств, пользуется властью» [21, с. 40].

Описав формы управления, И.Ф. Бларамберг останавливается на многих вопросах истории кавказских народов. Это религия, образ жизни, политика, одежда, оружие, жилища, пища, хозяйство и способы, которыми воюют горцы [1, с. 37–62].

Остановимся на наиболее интересных сюжетах.

При описании религии И.Ф. Бларамберг говорит о наличии у кавказских народов трех основных религий – христианства, ислама и язычества. Верно отмечено им, что все народы Кавказа «некогда исповедовали христианство» и что «у них еще встречаются много развалин древних храмов и остатки христианских обычаев» [1, с. 38]. В этом он был прав. Даже в наши дни сохранилось немало христианских памятников, в ряде сел имеются даже остатки христианских кладбищ.

Но нельзя согласиться с описанием И.Ф. Бларамбергом образа жизни кавказских народов, в том числе и дагестанцев. «Трудно найти на земле, – пишет он, – ... народы, которые защищали бы свою свободу и независимость с большим упорством (в этом он был прав. – *Б.А.*) и которые в то же самое время беспокоили бы еще больше своих соседей, чем жители Кавказа». И далее: «Все эти народы имеют большую склонность к войне, которой они сначала стали заниматься в силу необходимости, чтобы добыть себе средства к существованию; позднее они полюбили войну, прельстясь добычей, и наконец, только и стали ею заниматься» [1, с. 38–39]. И, естественно, отсюда его вывод, что «война стала единственным привычным занятием» [1, с. 39].

Конечно же, И.Ф. Бларамберг преувеличивает. Если, например, народы Дагестана занимались только грабежами, то кто за них занимался земледелием, которое являлось древнейшим занятием горцев, кто разводил скот и ухаживал за ним? А ведь в горах имелись сотни тысяч голов овец, что было отмечено еще участником Каспийского похода Петра I майором И.-Г. Гербером [22, с. 107], да и многими другими авторами, и о чем говорится в источниках, как например, об обществах Самурской долины [23, л. 471], Салатавии [24, л. 82], Глейсерухе и Мукратле [24, л. 70]. Во многих горных обществах содержали и много крупного рогатого скота, как, например, в Гидатле [25, с. 29], Телетле [25, с. 6], в обществах Верхнего Кайтага [26, с. 164–165] и т.д.

Как же дагестанские горцы содержали и ухаживали за таким огромным количеством скота, который летом необходимо было пасти на своих летних пастбищах, а зимой перегонять на зимние пастбища, на плоскость? Откуда же у них было на это время, если они были заняты постоянными войнами и походами, сопровождавшимися грабежами и разбоем? И когда же горцы пахали, засеивали, убирали зерновые и молотили зерно? Когда они занимались земледелием и скотоводством, кормившими их и их семьи? Когда они занимались домашними промыслами, которые были развиты у них?

Остановившись на политической жизни кавказских народов, И.Ф. Бларамберг отмечает, что горцы «имеют свою политику, так же как и цивилизованные народы Европы. Они имеют также свое народное право», которое они «тщательно соблюдают» [1, с. 40]. Когда он говорит о союзах сельских общин («кавказских республиках»), то почти слово в слово приводит слова С.М. Броневского о том, что в них «отмечается большее единство духа, следовательно, и больший порядок во внутреннем управлении, и большая согласованность в их внешних операциях, чем в феодальных органах управления этих областей» [1, с. 41].

Описывая одежду жителей Кавказа, И.Ф. Бларамберг верно отмечает, что «у всех горцев, принадлежащих к разным племенам, одежда сходная с большими или меньшими изменениями» [1, с. 41]. Поэтому он не писал конкретно об одежде дагестанских горцев. Но, завершая описание одежды горцев, он отмечает, что «в целом одежда горцев шьется из легкого и довольно грубого сукна, которое их женщины изготавливают в домашних условиях» [1, с. 48], это имеет прямое отношение и к дагестанским горцам. Как известно, в Дагестане повсеместно женщины изготавливали домотканное сукно, были и центры сукноделия, такие как Карата, Сограть, Ругельда, Сомода, Тлондода, Тинди, Акуша, Цудахар, Хаджалмахи, Муги, Меусиша, Кубачи и др. Причем горянки делали сукно высокого качества. Еще в первой четверти XVIII в. А.И. Лопухин писал, что кубачинцы «сукна делают сами и по их мастерству не худо делают» [27, с. 30]. В конце XVIII в. о производстве жеманами кубачинцев тонких шерстяных сукон «особливого рода», которые «мужья их на платье употребляют», писал немецкий ученый-врач Я. Рейнеггс [28, с. 278]. В селениях Аварии Карата, Арчи, Арчо, Тинди, Келятури, в Келебском союзе вырабатывались сукна естественного цвета шерсти, в том числе совершенно белые, которые и шли на изготовление верхней одежды, особенно черкесок [28, л. 48]. Именно поэтому дагестанское сукно имело широкое употребление и высоко ценилось. В докладной записке, представленной императрице Анне в 1733 г., указывалось, что в

горах Дагестана изготавливают из шерсти «сукно почти такое же, как английская двойная фланель и мягкая как бархат» [29, с. 289].

И.Ф. Бларамберг подробно описывает оружие кавказских горцев. В частности, он пишет, что они «пользуются длинным ружьем ... саблей с рукоятью из серебра, слоновой кости или простой кости..., кинжал и т.д.» [1, с. 43]. При этом он подчеркивает, что у кавказских народов кинжал был излюбленным оружием, который они «никогда не снимают... и носят его даже у себя дома» [1, с. 44]. Он отмечает также, что горцы «иногда носят пистолеты», и, что особенно интересно, «богатые лезгины» (дагестанцы. – *Б.А.*) «носят кроме оружия и пистолета кольчугу, небольшой шлем, железные наладонники и нарукавные повязки». Он также отмечает, что «самые лучшие кольчуги делают в Кубачах» и что «горцы изготавливают оружие сами, а кубачинские оружейники – наиболее известны» [1, с. 44]. Об этом писали все авторы, побывавшие в Дагестане и в Кубачах в частности. Одним из них был цитируемый выше немецкий ученый-медик Я. Рейнеггс, который в конце XVIII в. писал, что кубачинцы «делают ружья, сабли, пистолеты и ножи и мастерством своим всем известны, золотая и серебряная их работа подобна карлсгатской и агебургской, а как столь искусных мастеров нет ни в Персии, ни в Анатолии, то работа их везде в славе, в великом употреблении и дорого покупается» [26, с. 278].

Описывая жилище жителей Кавказа, И.Ф. Бларамберг говорит об особенностях жилищ различных народов, но при этом подчеркивает, что они «построены сообразно их климату, с помощью конструкций и материалов, которые сами производят жители этой страны». Что касается жилищ горцев высокогорья, то о них он писал, что «все дома построены из камня», которые «сложены без строительного раствора или глины...», но «тем не менее эти стены очень прочны и служат нескольким поколениям» [1, с. 45]. Описывает И.Ф. Бларамберг расположение домов, их высоту, форму, внутренние помещения и убранство [1, с. 46–47].

И.Ф. Бларамбергом подчеркнута умеренность кавказских народов в еде, отмечено, что основную пищу их составляют чуреки и сыр. Что касается бараньего мяса, то, по его словам, «это их праздничная пища; они сушат баранину на зиму, чтобы она долго сохранялась» [1, с. 47]. Отмечает он приготовление горцами бузы «из ржаной крупы», а также «ячменного пива» или «ячменной водки». Среди других блюд горцев И.Ф. Бларамберг называет овощной суп с ржаной или ячменной крупой, плов, который он называет «излюбленным блюдом жителей как Дагестана, так и большей части восточных народов» [1, с. 48].

Отдельно останавливается И.Ф. Бларамберг на видах занятий жителей Кавказа. Прежде всего он пишет о земледелии, которым, как он верно отмечает, в горах трудно было заниматься из-за малочисленности пахотуодобных земель. В горах, как пишет он, было «даже мало мест, где скалы покрыты хотя бы тонким слоем желтой глинистой почвы» [1, с. 48]. Но это утверждение верно лишь для высокогорной части региона, в том числе и Дагестана, где, как писал И.Ф. Бларамберг, «поля почти [были] расположены на крутых склонах» [1, с. 49]. В горной же зоне были прекрасные пахотные поля, на которых получали хорошие урожаи. Так, земледелие широко было развито в Акуша-Дарго, Каба-Дарго, в Верхнем Кайтаге, Агуле, Кюре, Батлухе и т.д. Об Акушинском союзе ген. А.П. Ермолов писал, что земля его «весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет малейшего пространства не возделанного» [30, с. 440]. А Хрисанф, побывавший в Аварии в 1828 г., писал, что они пришли в деревню Бетлитль, «изобилующую хлебом» [31, с. 267]. И.Ф. Гене, побывавший в Горном Дагестане в середине 30-х гг. XIX в., сообщал, что на землях рутульцев и ахтынцев имеются прекрасные плодородные и богато населенные долины, орошаемые Самуром [32, с. 344]. В Горном Дагестане были даже общества, которые излишки своего хлеба продавали другим обществам [20, с. 203].

Так что И.Ф. Бларамберг был не совсем точен, говоря о Горном Кавказе в целом, не выделяя в нем собственно горную и высокогорную части, которую он упоминает только в конце раздела о

земледелии, и верно отмечает, что жителям этой зоны «зерна не хватает, поскольку на их сухой и каменистой земле не может вырасти необходимое им количество зерна» [1, с. 50].

Перечисляет И.Ф. Бларамберг и зерновые, которые сеяли жители Кавказа, и среди них: пшеница, ячмень, рожь, овес, просо, кукуруза, пшено. Из других культур, которые выращивались на Кавказе, перечислены: зеленый горошек, фасоль, огурцы, конопля, табак. А в Дагестане, писал он, «выращивают также марену и рис». Описывает он также орудия жатвы, молотьбы и мельницы [1, с. 49–50].

Большое внимание И.Ф. Бларамберг уделяет занятию горцев скотоводством. Он справедливо отмечает, что «выращивание скота являлось главным занятием всех жителей гор», причину чего он видел в «бесплодности их земель». Основным богатством горцев он считал «стада баранов», которых у них было «неисчислимо количество» [1 с. 50], что подтверждается многими авторами, бывавшими в Дагестане и писавшими о нем. Так, по свидетельству участника Каспийского похода Петра I в 1722 г. майора И.-Г. Гербера, зимой на пастбищах уцмий Кайтага паслось «более 100 000 овец» [22, с. 107]. Он писал, что верхнедаргинцы «содержат великое число баранов» [22, с. 107]. Большое количество овец содержали жители обществ Самурской долины, которые, по данным за 1812 г., только в Кубинское ханство перегоняли на зиму 55 тыс. овец [23, с. 1–4]. Много овец было в Салатавии. Только в сел. Чиркей в 1839 г. было 150 000 овец [24, л. 82]. По тем же сведениям, в Тлейсерухе и Мукратле, где проживало 4000 человек, было 112 000 овец, т.е. в среднем по 28 голов на душу [24, л. 70]. Богатые хозяйства обществ Ратлу, Келеб, Ратлу-Ахвах и Телетль имели по 300 и более овец [25, с. 5].

И.Ф. Бларамберг также верно отмечает, что горцы имели и стада коз и крупного рогатого скота, хотя, как писал он, их было «не так много, как овец, потому что в горах нет для него достаточного количества корма, и горцы ограничиваются малым числом голов крупного рогатого скота» [1, с. 50]. Между тем в Горном Дагестане были и такие общества, где содержали много и крупного рогатого скота. Так, по сведениям 60-х гг. XIX в., богатые телетлинцы имели по 10 голов крупного рогатого скота [25, с. 6]. В Гидатле в это же время было 10 000 голов крупного рогатого скота [25, с. 29]. В сел. Киша Верхнего Кайтага, по сведениям 80-х гг. XIX в., имелась 1591 голова крупного рогатого скота, т.е. по 3,5 головы на каждое хозяйство [26, с. 164–165]. В агульском сел. Кураг 42 хозяйства имели 237 голов крупного рогатого скота (в среднем 5,6 головы на одно хозяйство), в сел. Рича этого же союза 129 хозяйств имели 525 голов крупного рогатого скота (в среднем 4 головы на одно хозяйство) [26, с. 194].

Конечно, больше всего крупного рогатого скота содержали жители предгорья и равнины, которые являлись и очагами развитого земледелия. И совершенно прав И.Ф. Бларамберг, когда пишет, что «из всех кавказских народов выделяются татары (кумыки. – Б.А.) и ногайцы, живущие на равнине Кумыкии: у них самые большие стада крупного рогатого скота» [1, с. 50].

Говоря о скотоводстве, И.Ф. Бларамберг поднимает и вопрос о перегоне на зиму горцами овец на плоскость, производстве из овечьей шерсти сукна, которое было «тонкое и узкое, грубого качества, но очень прочное и долговечное» [1, с. 51]. Здесь же он пишет, что овец горцы меняют «у русских, грузин, имеретинцев и других народов на дешевые шелковые ткани, на холст, хлопчатобумажные ткани, золотые и серебряные нити, посуду, металлические изделия или же обменивают их у соседей на соль, просо, пшеницу и другие продукты» [1, с. 51]. И это противоречит его же словам об отсутствии торговли у горцев.

В этом разделе И.Ф. Бларамберг говорит также о коневодстве, описывая различные породы лошадей, в том числе и горскую, отметив, что «дагестанские лошади средней высоты, но скорее высокие, чем низкорослые». При этом он пишет, что «они не очень выносливы и не очень привычны к длительной работе, особенно, если их не могут регулярно и хорошо кормить» [1, с. 52]. Упоминает он также о разведении ослов и мулов, отметив, что они в основном содержались в го-

рах, где «осел – животное настолько же обычное, распространенное, насколько и полезное» [1, с. 52]. Сказанное вполне относится и к Горному Дагестану, где больше всего содержали ослов.

Останавливается И.Ф. Бларамберг и на побочных занятиях жителей Кавказа: пчеловодстве, охоте и рыболовстве. Говоря о сортах меда, он пишет, что в Абхазии и Лезгистане есть «один сорт меда, совершенно особый. Это мед диких пчел, которые обитают в расщелинах отвесных скал». Дано подробное описание этого меда [1, с. 54].

Описывая охоту, И.Ф. Бларамберг перечисляет обитающих на Кавказе диких животных, в связи с чем пишет и о Дагестане, отметив, что здесь обитают и шакалы, которых «горцы ловят... сетями и используют их шкуры». Отмечает он особое пристрастие дагестанцев к охоте на куропаток и фазанов с помощью ястребов [1, с. 55].

Упомянув рыболовство, И.Ф. Бларамберг почему-то ни слова не говорит о рыболовстве на Каспии, а пишет только о занятии рыболовством в устьях рек, впадающих в Черное и Каспийское море. Но, как известно, жители прибрежных сел занимались рыболовством. Рыбу вывозили даже на продажу. В записке, составленной И.-Г. Гербером в 1733 г. о рациональном использовании прикаспийских провинций Кавказа, оставшихся под властью России после подписания Рештского договора 1732 г., была статья о взимании пошлины на рыбу, доставляемую на возах, – 20 к. с воза [28, с. 169]. В конце XVIII в. майор Д.И. Тихонов, описывая шамхальство Тарковское и Кайтагское уцмийство, среди товаров, с которых брали пошлину при перевозке через их территорию, называл (упоминал) и рыбу. С 10 рыб брали по одной рыбе [33, с. 135]. Немногом раньше него немецкий ученый-медик Я. Рейнеггс писал о богатом рыболовстве в Засулакской Кумыкии. В частности, о Костековком княжестве он писал, что здесь «находится... весьма выгодная рыбная ловля, почему и жители ведут жизнь весьма благополучно» [28, с. 255].

Отдельно упомянуты в работе И.Ф. Бларамберга промыслы и торговля. При описании первого вопроса он, как и многие авторы того времени, пишет, что народы Кавказа «находятся лишь на первоначальных стадиях цивилизации» и поэтому, как неверно считал он, у них не могут процветать ремесла, «за исключением изготовления оружия, в чем они достигли высшей степени совершенства» [1, с. 56]. Конечно, И.Ф. Бларамберг не мог не отметить работу кубачинцев, и его слова, что «их кольчуги, ружья, кинжалы, сабли и т.д. превосходны и высшего качества», прямо относятся к ним, что подтверждают его слова: «Самые лучшие оружейники – кубачинцы Дагестана» [1, с. 56]. Он восхищался работой «золотых и серебряных дел мастеров», которые украшали «золотом и серебром оружие, корнетики для пороха, поясные ремни и т.д.». И далее, продолжая писать о кубачинцах, он отмечает: «Совершенство этого вида работ, красоту и гармонию рисунка, который они воспроизводят чернью по золоту или серебру посредством кислоты, трудно себе представить» [1, с. 56].

Пишет И.Ф. Бларамберг и о занятиях женщин, которые занимались выделкой из шерсти сукна для мужской одежды, одеял, войлочных плащей (бурок), а также шуб из целых шкур [1, с. 56].

Если со всем приведенным можно и нужно согласиться, то нельзя согласиться с утверждением И.Ф. Бларамберга, что «этим и ограничиваются... промыслы» горцев [1, с. 56]. По И.Ф. Бларамбергу, кроме кубачинцев, в Дагестане никто и нигде не занимался промыслами, и притом речь идет только о металлообработке и обработке шерсти. Где же другие центры металлообработки, где промыслы по обработке кожи, дерева, глины, камня, конопли, льна, по которым тоже имелись широко известные центры? Ведь помимо Кубачи, металлообработка была развита в Харбуке, Амузги, Малом Казанище, Кадаре, Мулебки. Лучшие мастера по производству кинжалов были в Казанище. Оружейное дело было развито в селениях Тарки, Эндирей, Икра, Курах, Аракани, Гидатль, Акуша и др. Гончарное производство было развито в Балхаре, Сулевкенте, Испике, Джули, Гезеркенте, Кахуле и т.д. Деревообработка была развита в селах Куяда, Каралал, Ругуджа, Урада, Корода, Карата, Кудутль, Дидо и во многих селах Кайтага и Южного Дагестана, бо-

гатыми лесами. В таких селах, как Ругуж, Ханаг, Тпиг, Курах, Кара-Кюре и т.д., были известные мастера по обработке камня. Ювелирным производством, помимо Кубачи, занимались в Кумухе, Андалале, Малом Казанище, Ахта, Согратле, Чохе, Куяда, Кахибе, Гоцатле и т.д. Широко было развито ковроткачество. Центрами его были Микрах, Ахты, Рутул, Гильяр, Курах, Мака, Карата, Тлох, Куяда, Тлярата, Хадиял и т.д. Наиболее развитым у горцев было производство сукна, центрами которого были Келебские села, села Акуша-Дарго и Цудахарского союза, Сомода, Тинди, Карата, Арчи, Арчо, Тлондода, Келетуры и многие другие села [20, с. 227–245]. Всего этого И.Ф. Бларамберг не заметил.

Неправ был И.Ф. Бларамберг и говоря, что торговля у народов Кавказа, в том числе и у дагестанцев, «рассматривается ... как презренное занятие», что они предпочитают заниматься «разбоем и грабежом» [1, с. 56]. В то же время он противоречит сам себе и пишет, что «горцы обменивают кожи, меха, воск, коней, рогатый скот, войлок на вещи, которых им недостает, а именно порох, свинец, холодное и огнестрельное оружие, железные и медные котлы и чаши, плотные кожаные ремни и т.д.» [1, с. 57].

По мнению И.Ф. Бларамберга, торговле в горах Кавказ мешали: 1) разлив рек, который бывает от таяния ледников летом, а зимой – снежные завалы; 2) горцы никогда не поддерживают пути сообщения; 3) «бедность горцев и отвращение к земледелию, торговле и вообще всем занятиям»; 4) нападения горцев на купцов, которые приезжают по торговым делам «из-за природной склонности горцев к грабежу» [1, с. 57–58].

Если можно еще согласиться с И.Ф. Бларамбергом в отношении первой причины, то все остальные его утверждения не имеют оснований. Особо хочется отметить его мнение о том, что горцы не заботились о дорогах и что у них было отвращение к земледелию и торговле. Между тем земледелие являлось древнейшим занятием горцев, оно кормило их, хотя и не давало достаточного количества хлеба; горец ухаживал за землей, удобрял, очищал от камней, поливал ее для получения высоких урожаев. Горец дорожил каждым клочком земли.

В сюжете «О способах, которыми воюют горцы» И.Ф. Бларамберг опять говорит о войне, «которую ведут между собой и против русских горцы». Он пишет, что горцы не знают ни стратегии, ни тактики. В то же время, описывая, как воюют горцы, он отмечает, что они «знают толк в малых войнах», «прекрасно стреляют» и «берегут патроны», «прячутся в кустарниках», «прекрасно стреляют с упора или лежа на земле», «экономно расходуют боеприпасы», «очень бдительны», «окружают отступающего врага со всех сторон», «нападают не только на колонны, но даже бросаются на пушки», «остерегаются нападать в долине», при приближении врага горцы «покидают свои жилища» и «укрывают свои семьи стада, домашнюю утварь в лесу или в горных ущельях», они «не дают врагу возможности отступить, перекрыв дорогу завалами или рвами», нападают неожиданно, «они хранят свои планы в секрете». И.Ф. Бларамберг также писал, что «их кони просто неоценимы, так как они преодолевают по 60 верст в день иноходью, не уставая».

И резюмируя сказанное, И.Ф. Бларамберг пишет: «Военные действия на Кавказе – это, скорее, внезапные набеги, чем регулярные наступления. Они неудержимы во время первой атаки, но затем сила их слабеет. Малейший успех делает их дерзкими, неудача приводит в панику, тем не менее они защищаются храбро и упорно в своих укрытиях, в окружении же они сражаются отчаянно и никогда не сдаются» [1, с. 58–62].

Третья часть работы И.Ф. Бларамберга посвящена мычкизам, кумыкам и горным племенам Кавказа. При описании чеченцев он затрагивает и ряд вопросов, касающихся Дагестана, в частности пишет о первоначальной территории чеченцев, времени переселения их на плоскость. Он отмечает: «Все пространство между правым берегом Сунжи и Черными горами принадлежало раньше князьям Турловым, по происхождению – аварцам, которые живут ныне среди покорных чеченцев, напротив Наура» [1, с. 349].

Что касается места их первоначального проживания, то И.Ф. Бларамберг пишет: «Два века назад (т.е. в XVII в. – *Б.А.*) чеченцы спустились с гор вследствие внутренних распрей и многочисленности населения. Спустившись, они обосновались в долинах (междуречье Аргуна и Сунжи. – *Б.А.*), платя дань князьям Турловым, но постепенно они освободились от уплаты дани и стали совершенно независимыми» [1, с. 349].

Описывая кумыков, И.Ф. Бларамберг прежде всего приводит существовавшее в его время мнение об их происхождении – «то ли от хазар, то ли от татар». Сам же он полагал возможным происхождение кумыков от кипчаков или племен Золотой Орды [1, с. 362].

Остановиваясь на истории кумыков, И.Ф. Бларамберг пишет об их территории и о границах. Отмечает он и то (о чем писали и другие авторы), что раньше «Гудермес был западной границей территории кумыков, он впадает в Сунжу пятнадцатью верстами выше места ее впадения в Терек». Но, когда чеченцы спустились со своих гор, кумыкские ханы поселили часть из них на своей территории у подножья отрогов Кавказа, между Сунжей и Аксаем» [1, с. 363–364]. Речь идет о качкалыках, о которых писали и многие другие авторы.

Здесь же перечислены и охарактеризованы реки, описано расположение деревень, климат, говорится о возможности ведения различных сельскохозяйственных работ. И.Ф. Бларамберг пишет только о засулакских кумыках и отмечает, что они «подразделяются на три племенные группы: аксайские кумыки, андреевские и костековские кумыки». Пишет он и о проживании здесь ногайцев, которые «ведут кочевую жизнь и их богатство составляют многочисленные стада баранов». Говоря о происхождении ногайцев, И.Ф. Бларамберг отмечает, что они «представляют собой остатки Большой и Малой Орд ногайцев» [1, с. 365]. Пишет он и о проживании на территории кумыков армян, занимающихся торговлей, и грузин.

И.Ф. Бларамберг описывает и центры княжеств – Аксай, где было 800 домов, Эндирей с 1500 домами и Костек с 650 домами, отмечая, каким семьям принадлежали эти села. Из других сел даны Чирюрт и Амир-Аджи-юрт [1, с. 165–167]. По данным И.Ф. Бларамберга, население кумыкских княжеств равнялось: Аксаевском – 8 тыс., Эндиреевском – 28 тыс., в Костековском – 2800 [1, с. 367].

В разделе «Этнографические подробности» говорится о политическом положении кумыкских князей, принадлежности им всей кумыкской территории, наличии у них крестьян, сала-узденей (они названы просто узденями), у которых есть подданные, различие кумыков. И.Ф. Бларамберг был неправ, говоря, что крестьяне ничего не платили князьям за пользование землей, а князья получали только за аренду зимних пастбищ. Здесь он пишет о зерновых, многочисленности скота и табунах лошадей [1, с. 368–369].

Описывает И.Ф. Бларамберг также образ жизни кумыков, отмечая, что мужчины «склонны к лени и бездействию» [1, с. 369], что «кумыки в целом более цивилизованы, нежели их соседи», поднимает вопрос об аталычестве, войнах, походах, в связи с чем пишет, что кумыки в отличие от горцев «не отправляются» в военные походы» на длительное время» [1, с. 370]. Он отмечает также, что кумыки сами делают порох и оружие и что лучшие кинжалы изготавливаются в Эндирее и они «пользуются большим спросом на всем Кавказе» [1, с. 371].

Отдельно дается описание дорог, на которых, по словам И.Ф. Бларамберга, встречаются препятствия, как-то: «реки, спускающиеся с гор», которые «растекаются по обширной долине»; наличие невероятного количества ирригационных каналов – татаулов; «очень густых» лесов, поросших «колючим кустарником», поэтому были «лишь узкие тропинки» [1, с. 371].

Большое внимание в этой части работы И.Ф. Бларамберга отведено продаже пленников на Кавказе. Прежде всего он писал об Эндирее, которое, по его словам, «знаменито благодаря торговле пленниками...» [1, с. 371].

Как отмечалось выше, источником пленных были войны и взаимные нападения. В связи с этим И.Ф. Бларамберг пишет о набегах горцев на Грузию, где и захватывали пленных. Помимо

Эндирея центром работорговли он, как и его предшественники, считает Джары. Еще в 1812 г. А.М. Буцковский писал, что Эндирей, являясь «воротами между горами и долинами, соделалось сборным местом и главною ярмонкою для торга пленными, откуда оные уже перепродаются в турецкие пристани на Черном море» [34, с. 242]. Немногом позже Д.-М. Шихалиев, также говоря об источниках рабства и продаже невольников, писал: «Андреев (Эндирей. – Б.А.) и Джар славились в свое время торговлею невольниками» [18, с. 65]. И.Ф. Бларамберг почти дословно приводит слова С.М. Броневского, как из Эндирея пленников «через земли чеченцев, ингушей, черкесов, вдоль русских постов [переправляли] до Анапы» [21, с. 199; 1, с. 376]. Что касается продажи пленников жителями Джара, то об этом И.Ф. Бларамберг пишет, что их отправляли отсюда «через Грузию потайными горными тропами и через леса Ахалциха, а оттуда в Батуми и Потю» [1, с. 376]. Здесь же он отмечает, что после захвата Эндирея 1818 г. ген. А.П. Ермолов положил конец торговле рабами [1, с. 377].

Таков круг сведений, приведенных в работе ген. И.Ф. Бларамберга по истории и этнографии Кавказа, в контексте которых он останавливался и на вопросах, относящихся непосредственно к Дагестану. Многие события и факты автор описывает верно, но они даны обобщенно, без конкретизации по народам, поэтому трудно проследить общее и особенное в истории и жизни различных кавказских народов. Немало в труде И.Ф. Бларамберга и противоречий.

Несмотря на сказанное, сведения о Дагестане, имеющиеся в работе И.Ф. Бларамберга, представляют определенный интерес для исследователей, занимающихся историей и этнографией дагестанских народов XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / пер. с фр., предисл. и коммент. *И.М. Назаровой.* М.: Изд. Надыршин А.Г., 2005. 432 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 21. Д. 453.
3. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы (далее – ИГЭД) / под ред. *М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева.* М.: Изд. вост. лит., 1958. 371 с.
4. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. М.: Изд-во АН СССР, 1947. № 4. С. 230–248.
5. Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. 392 с.
6. История Дагестана : в 4 т. М.: Наука, 1967. Т. 1. 432 с.
7. *Алиев Б.Г.* Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002. 408 с.
8. *Алиев Б.Г.* Акуша-Дарго в XVII–XVIII вв. (Опыт монографического исследования социально-политической истории) : дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1966. 304 с.
9. *Алиев Б.Г., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. 236 с.
10. *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999. 339 с.
11. *Османов Г.Г.* О социальном строе Дагестана в конце XVIII – начале XIX вв. // Учен. зап. ИИЯЛ Даг-ФАН СССР. Махачкала, 1959. Т. VII. С. 133–167.
12. *Алиев Б.Г.* Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала, 2007. 440 с.
13. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. 408 с.
14. *Юшков С.В.* К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане (до русского завоевания) // Учен. зап. Свердловского госпединститута. Свердловск, 1938. Вып. 1 (исторический). С. 65–86.
15. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1883. Вып. II. 396 с.

16. *Линден В.* Краткий очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис, 1916. С. 249–315.
17. *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков 1843 года. Махачкала, 2002. 80 с.
18. *Шихалиев Д.-М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993. 144 с.
19. *Белобородов А.* Прошлое кумыков // Терские ведомости. 1896. № 145.
20. *Алиев Б.Г.* Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2009. 416 с.
21. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. 462 с.; Ч. 2. 471 с.
22. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 60–120.
23. Центральный государственный исторический архив Республики Грузия (ЦГИА РГ). Ф. 416. Оп. 1. Д. 471.
24. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6528. Ч. 2.
25. *Воронов Н.* Путешествие по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. II. С. 1–36; 1870. Вып. III. С. 1–40.
26. Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Тифлис, 1890. 255 с.
27. *Лопухин И.А.* Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 6–59.
28. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. : сб. / сост., введ., вступ. ст. к текстам и примеч. *В.Г. Гаджиева.* Махачкала, 1992. 304 с.
29. *Полиевктов М.А.* Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. IV. 123 с.
30. *Ермолов А.П.* Записки (1816–1827). М., 1864. Ч. 2. 440 с.
31. *Хрисанф.* Сведения об Аварском ханстве. 1828 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 265–275.
32. *Гене Ф.И.* Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 гг. // Там же. С. 337–352.
33. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // Там же. С. 125–137.
34. *Буцковский А.М.* Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 239–246.

Поступила в редакцию 18.05.2021 г.

Принята к печати 26.12.2021 г.